

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И 17

ISBN 978-5-7516-1487-4

© «Текст», 2019

*Автор благодарит В. И. Генкина,
в ходе общения с которым
родилась идея этой книги.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Специалистам по микенской цивилизации известны сенсационные раскопки, проводящиеся Янинским университетом на Итаке с 1994 года. В ходе этих раскопок в северной части острова, вблизи поселения Эксоги, был открыт дворец, в котором найдены в том числе фрагменты керамики, датирующиеся XIII–XII веками до н.э.*. Это позволило предположить, что в один из периодов своего существования дворец принадлежал легендарному царю Одиссею (не путать с дворцом, который был раскопан Генрихом Шлиманом и, как выяснилось, относился к значительно более позднему времени). К сожалению, результаты этих раскопок до сих пор почти не публиковались, а русскоязычной читательской аудитории они и вовсе мало известны.

Тем большее значение имеет недавно вышедшая в английском издательстве «Archaeological Discoveries» книга, в которой опубликованы тексты (переведенные на английский язык проф. Джеймсом Уотерфилдом) глиняных табличек, найденных на Итаке учеными Янинского университета. Таблички были обнаружены в подвале небольшого помещения, несколько отстоявшего от дворца и, вероятно, имевшего хозяйственное назначение. Следы пожара, уничтожившего эту постройку, позволяют понять, почему таблички в сохранности долежали до наших дней. Греки крито-микенской эпохи, в

* Th. Papadopoulou, “The Heroon of Odysseus in Ithaca reconsidered”, Athens Greek Religion Seminar, Σοφηδικό Αρχαιολογικό Ινστιτούτο, 24.11.2017; <https://ria.ru/science/20100824/268497496.html>. (Здесь и далее примеч. автора).

отличие от, например, древних жителей Междуречья, не обжигали сделанные на глине записки, поэтому последние сохраняются достаточно редко. Лишь сильные пожары, превращавшие глину в вечную керамику, позволяли табличкам оставаться неизменными на протяжении трех с лишним тысячелетий — именно так сохранились таблички Кносского и Пилосского дворцов, погибших в огне.

К большому сожалению археологов, пожары нечасто уничтожали дворцы той эпохи, и количество дошедших до наших дней греческих табличек не так уж велико — до последнего времени оно не превышало шести тысяч. Поэтому грандиозная находка на Итаке — около полутора тысяч табличек — ставит ее в один ряд с величайшими археологическими открытиями нашего времени. Тексты табличек написаны от имени Пенелопы, жены знаменитого царя Одиссея, и существует предположение (впрочем, достаточно безосновательное), что записи на итакийских табличках действительно были сделаны рукой самой царицы.

По свидетельству археолога Микиса Аргиропулоса, руководившего работой на этом участке, таблички располагались на некоем подобии полки, вырубленной в скальной породе (трехуровневый дворец, равно как и многие его пристройки и хозяйственные помещения, примыкал к скале). Кроме того, две таблички валялись на полу отдельно от прочих. На некоторых табличках сохранились следы перекрещивающихся лоз, и это наводит на мысль, что когда-то они содержались в плетеных корзинах. После того как таблички отсырели, нижние из них, под тяжестью верхних, впечатались в днища корзинок и приобрели соответствующие оттиски. Корзинок, судя по кучкам, в которых лежали таблички, было десять. Сейчас от них остались лишь следы пепла, который, к сожалению, не был вовремя передан на радиоуглеродный анализ, поэтому датировка находки, даже и приблизительная, все еще вызывает серьезные разногласия в научном мире.

Все тексты на табличках написаны линейным письмом Б, так же, как и соответствующие тексты из Кносса, Пилоса и Ми-

кен. Письмо это было в употреблении примерно с середины XV века до н.э. и вплоть до дорийского нашествия рубежа XII–XI веков. Это позволяет датировать итакийский архив временем не позднее XI века до н.э. Никакие другие датирующие предметы (да и вообще никакие другие предметы) в подвале найдены не были. Что же касается самого «Дворца Одиссея», как назвали его археологи, он просуществовал достаточно долго, по крайней мере с конца среднеэлладского периода (некоторые его слои относятся к XVII веку до н.э.) и до римского времени включительно.

Линейное письмо Б давно дешифровано совместными усилиями английских исследователей М. Вентриса и Дж. Чедвика, и перевод табличек на современные языки не представляет особой проблемы для ученых. Однако специалисты, участвовавшие находку, столкнулись с затруднениями другого плана. Дело в том, что почти все ранее найденные таблички крито-микенской эпохи (а их, как мы уже говорили, около шести тысяч) представляют собой хозяйственные заметки — опись содержимого подвалов, сообщение о количестве продуктов, животных, а иногда и людей, использованных при жертвоприношениях, списки рабов, занятых на тех или иных работах. Порой среди этих документов встречается деловая переписка. Но ни одна из тысяч табличек, найденных до настоящего дня, не содержала даже намека на художественную прозу или дневниковые записи. Что же касается итакийских табличек, то их содержание совершенно недвусмысленно представляет собой попытку создать литературное произведение в жанре психологического или, возможно, автобиографического романа (если этот громкий термин применим к неумелому произведению древнего автора). И это вызывает в научном мире серьезные сомнения по поводу датировки всего архива.

Большинство специалистов сходятся в том, что тексты итакийских табличек, если судить только по их содержанию, не могли быть созданы ранее VIII века до н.э. — века Гомера и Гесиода. Более того, если учесть глубокий (для своей эпохи) психологизм записок и принимая во внимание, что «Дво-

рец Одиссея» был обитаем еще в римское время, таблички вернее было бы отнести к периоду расцвета латинской литературы, эпохе Апулея, Сенеки, Петрония и особенно Овидия с его «Героидами» — писателей, творениями которых автор записок, возможно, пытался по мере сил вдохновляться в своей работе. Но в период после нашествия дорийцев никто не использовал линейное письмо Б, и, даже если мы заподозрим мистификацию, следует понимать, что ни один самый образованный человек римского времени (и тем более позднейших эпох) не мог быть знаком с этой давно забытой письменностью. Таким образом, таблички представляют дополнительный интерес для грядущих ученых, которым, возможно, удастся разрешить их загадку.

Одними из факторов, наводящих на мысль о мистификации новейшего времени, считаются некоторые места в исследуемом тексте, которые при известной фантазии можно принять за реминисценции из текстов гораздо более поздних эпох, — в частности, сравнение человека с мыслящим тростником, сделанное автором табличек почти за три тысячи лет до Паскаля. Впрочем, эта точка зрения представляется достаточно обоснованной, ведь мысли людей во все времена развиваются по одним и тем же законам. Таких реминисценций в настоящем тексте немало, но переводчик не счел возможным фиксировать на них внимание, поскольку они и так заметны (иногда чересчур заметны) вдумчивому читателю и должны лишний раз утвердить его во мнении, что нет ничего нового под солнцем.

Еще один сложный вопрос, который встал перед исследователями, — в каком порядке должны располагаться таблички. Каждая из них представляет собой плоский кусочек глины величиной не более ладони. Нумерация на них отсутствует, и последовательность текстов (а значит, и описанных событий) далеко не всегда представляется однозначной. В английском издании таблички расположены в том порядке, в каком они идут в полевой археологической описи и который явно не соответствует ни логике событий, ни замыслу автора.

Инициатор настоящего издания (Олег Ивик*) взял на себя смелость не только перевести текст табличек с английского языка на русский, но и расположить их в порядке, каковой ему представляется наиболее логичным. Возможно, в этом есть некоторая доля субъективности, но издание наше предназначено не для специалистов (те познакомятся с табличками в оригинале — их публикация уже готовится в Институте востоковедения Национального университета в Чикаго), а для широкого круга читателей. По этой же причине Олег Ивик позволил себе объединить некоторые таблички в крупные блоки, наподобие глав, чтобы придать тексту более привычный для европейского читателя вид.

Помимо табличек, носящих, так сказать, «литературный» характер, в архиве встречаются, хотя и крайне редко (всего дважды), хозяйственные записи, сделанные той же рукой и выдержанные строго в традициях крито-микенской эпохи. С точки зрения издателя настоящей книги, это служит веским доказательством подлинности всего архива документов и принадлежности его началу XII века до н.э. Олег Ивик счел возможным вклинить эти таблички в текст достаточно произвольно, там, где, по его мнению, читателю стоит на несколько мгновений отвлечься от последовательного повествования. Разбиение табличек по корзинам сохранено без изменений.

События, описываемые в табличках, охватывают период примерно с 1217 года по апрель 1178 года до н.э. Последняя дата вытекает из исследований американских астрономов: на основании упоминаний положения небесных светил в тексте «Одиссеи» они установили, что царь Итаки вернулся домой 16 апреля 1178 года**. Это вполне согласуется с многочислен-

* Общий псевдоним Ольги Колобовой и Валерия Иванова.

** Constantino Baikouzis and Marcelo O. Magnasco. Is an eclipse described in the Odyssey? // PNAS, July 1, 2008, vol. 105, no. 26. Изложение на русском языке см.: Волков А. Одиссей, Пенелопа и немного черного солнца // Знание-сила, 2010, № 4.

ными свидетельствами античных авторов и современных археологов о сроках окончания Троянской войны: Троя пала примерно на рубеже XIII и XII веков до н.э.^{*}, после чего Одиссей еще около десяти лет скитался по миру. Его возвращением на Итаку и двумя-тремя последовавшими за этим днями и завершаются записки.

Что же касается начала событий, то, если отвлечься от вскользь сообщаемых ретроспективных сведений о предках и родителях героев, действие открывается сватовством женихов к Елене Спартанской. Сватовство это могло произойти примерно за двадцать лет до начала войны: Аполлодор сообщает, что Елена бежала в Трою, оставив в Спарте девятилетнюю дочь; после этого подготовка к походу шла еще десять лет (в «Илиаде» Елена на последнем году осады говорит: «Нынче двадцатый уж год для меня с той поры протекает, как прибыла я сюда и покинула край мой родимый»^{**}). Таким образом, таблички охватывают общий период времени чуть меньше сорока лет: двадцать лет до начала войны, сама десятилетняя война и девять с лишним лет скитаний Одиссея.

Если принять версию подлинности табличек, трудно допустить, что записки были созданы уже после завершения всех описываемых событий, по памяти. В них прослеживается стилистика дневника, рефреном звучит слово «сегодня». В одной из сравнительно ранних табличек (см. Корзина 1) говорится: «...было предсказано, что Троя падет на десятом году осады, а этот год уже наступил». Позднее (см. Корзина 2) Пенелопа сообщает, что ей тридцать лет, здесь же она пишет, что Клитемнестра является женой Агамемнона, но еще не упоминает о грядущей гибели царя Микен от руки своей супруги. Можно предположить, что автор создает первые таблички примерно на десятом году войны: рассказывает о мотивах, побудивших его взяться за стилос, обращается к давно минувшим событи-

^{*} Подробнее о датировке Троянской войны см. книгу Олега Ивика «Мифы древней Греции. Боги», глава «Хронология» (М., издательство «Ломоносовъ», 2018).

^{**} Илиада, XXIV. 765–766.

ям, доводит повествование до своего «сегодняшнего» дня — а затем, по ходу жизни, дополняет архив новыми записями, которые уже нередко напоминают дневниковые. И даже если считать это произведение мистификацией классического, эллинистического или, что уж совсем невероятно, римского периода, авторский замысел, по-видимому, заключался в том, что тридцатилетняя Пенелопа начинает писать свои первые таблички, ожидая скорого прибытия мужа из-под стен Трои (ведь еще до начала войны прорицатель Калхас сообщил, что она продлится десять лет). Этому однообразному занятию Пенелопа будет предаваться еще почти десять лет, поставив «последнюю точку»* вскоре после расправы Одиссея с ее друзьями и домочадцами.

Одним из доводов, к которым апеллируют ученые, сомневающиеся в принадлежности табличек Пенелопе, является тот неоспоримый факт, что описание событий в этих документах несколько отличается от того, которое дано в поэмах Гомера (хотя это касается не столько событийного ряда, сколько личностных характеристик и взаимоотношений героев). Мы знаем, что не все поэмы великого аэда и поэтов его круга дошли до наших дней, — но они известны в изложении (или художественном переосмыслении) более поздних античных авторов, и это позволяет достаточно полно судить о том, что же происходило в Греции (в том числе на Итаке) и на побережье Трояды в эпоху Троянской войны (тем более что эта информация в целом согласуется с данными археологии). Для того чтобы читатель настоящей книги сам мог составить представление о том, насколько автор табличек противоречит или, напротив, следует Гомеру (или, что не исключено, насколько Гомер противоречит автору табличек), переводчик решил снабдить текст небольшими отрывками из «Одиссеи» и «Илиады», а также из других древних источников. Отрывки эти вставлены в книгу в тех местах, где прослеживают-

* Впрочем, знаков пунктуации в нашем понимании линейное письмо Б не знало, а точки иногда использовались для разделения слов.

ся явные параллели между ними и текстом табличек. Да не воспримет это просвещенный читатель за оскорбление: возможно, лично он и помнит Гомера наизусть, но ведь не все достаточно часто перечитывали Аэда, выйдя из юношеского возраста.

Кроме того, переводчик на свое усмотрение снабдил каждую из «корзин» соответствующим эпиграфом из Гомера, а также приложил небольшую генеалогическую таблицу, которая поможет читателю разобраться с происхождением главных героев описываемых событий и познакомиться с их ближайшими родственниками.

*Олег Ивик
2018 г.*



КОРЗИНА 1

*МУЗА, СКАЖИ МНЕ О ТОМ МНОГООПЫТНОМ МУЖЕ, КОТОРЫЙ
ДОЛГО СКИТАЛСЯ С ТЕХ ПОР, КАК РАЗРУШИЛ СВЯЩЕННУЮ ТРОЮ,
МНОГИХ ЛЮДЕЙ ГОРОДА ПОСЕТИЛ И ОБЫЧАИ ВИДЕЛ,
МНОГО ДУХОМ СТРАДАЛ НА МОРЯХ, О СПАСЕНЬИ ЗАБОТЯСЬ
ЖИЗНИ СВОЕЙ И ВОЗВРАТЕ В ОТЧИЗНУ ТОВАРИЩЕЙ ВЕРНЫХ.
ВСЕ ЖЕ ПРИ ЭТОМ НЕ СПАС ОН ТОВАРИЩЕЙ, КАК НИ СТАРАЛСЯ.*

ГОМЕР. ОДИССЕЯ



Искусство письма считается низким, им обычно занимаются рабы. Собственно, это даже не искусство, а ремесло, и ни одна из муз ему не покровительствует.

Однажды я встретила на берегу моря старенького Фидиппа, жреца из храма Аполлона, и спросила его, почему так. Почему такие сведения, как количество амфор с маслом и вином в моих подвалах, надо заносить на глиняные таблички, чтобы они сохранились на долгие годы. А например, события из моей жизни никто на табличке не запишет. Хотя все, что относится ко мне, во всяком случае выше и значимее, чем количество амфор в погребе, — ведь я царица.

Фидипп очень смеялся. Он сказал, что содержимое подвалов заносят на таблички рабы-ключники, чтобы другие рабы не воровали и чтобы их самих никто не обвинил в воровстве. Табличкам можно верить, на них всегда написана правда, но это правда рабов, и на страже этой правды стоят плети... А человеку свободному и честному писать не о чем и незачем.

— А если бы я попробовала написать о себе? Просто рассказать о том, как я жила, о чем думала, что чувствовала... Так ведь никто никогда не делал. Почему?

— Но зачем тебе это нужно? — удивился жрец. — Подумай сама: о том, что с тобой происходит, твои близкие и так знают. А через много лет, когда наше поколение сойдет в Аид, кому будет интересно читать, как жила какая-то Пенелопа, хотя бы и царица? Вот твой муж Одиссей — он достоин великой памяти как царь и воин. Но и о нем не надо ничего писать: память о царе Итаки сохраняют аэды в своих песнях. Может, они

и тебя упомянут как его жену... Верную и хорошую жену, насколько я знаю, — он улыбнулся и погладил меня по голове.

— Аэды часто поют неправду.

— Кто ты такая, чтобы судить, что правда, а что нет, — нахмурился Фидипп. — Наши чувства обманывают нас. Вот ты смотришь на небо, и оно кажется тебе голубым и прозрачным, а на самом деле оно из меди. Правда — это не то, что думают и чувствуют простые смертные, а то, на чем стоят царства и весь наш мир, то, что аэдам поведали боги. Правда — это песни о том, как появились в нашей Вселенной первые божества: первозданный Хаос, широкогрудая земля-Гея, сумрачный Тартар и, наконец, сладкоистомный Эрос, который породил в них жажду соития. Правда — это рассказ, как царство Крона сменилось царством Зевса, как олимпийские боги низвергли древних и мрачных титанов, как они сотворили многие поколения смертных людей. Правда — это песни аэдов о героях — победителях чудовищ, о Беллерофонте, сразившем огнедышащую Химеру, о Геракле, совершавшем свои подвиги — бессмысленные, но тем более великие. Правда — это песни о деяниях ахейцев, сражающихся за Елену, о битвах богов под стенами широкоуличной Трои...

Я молчала. Что могла я поведать миру такого, что сравнилось бы с битвами богов и героев?

Жрец повернулся ко мне спиной и медленно пошел по берегу. Волны — кони царицы морей Амфитриты — разбивались у самых его ног и захлестывали его поношенные сандалии клочками божественной пены.



ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВО ВСЕЛЕННОЙ ХАОС ЗАРОДИЛСЯ, А СЛЕДОМ
ШИРОКОГРУДАЯ ГЕЯ, ВСЕОБЩИЙ ПРИЮТ БЕЗОПАСНЫЙ,
СУМРАЧНЫЙ ТАРТАР, В ЗЕМНЫХ ЗАЛЕГАЮЩИЙ НЕДРАХ ГЛУБОКИХ,
И, МЕЖДУ ВЕЧНЫМИ ВСЕМИ БОГАМИ ПРЕКРАСНЕЙШИЙ, — ЭРОС.
СЛАДКОИСТОМНЫЙ — У ВСЕХ ОН БОГОВ И ЛЮДЕЙ ЗЕМНОРОДНЫХ
ДУШУ В ГРУДИ ПОКОРЯЕТ И ВСЕХ РАССУЖДЕНЬЯ ЛИШАЕТ.
ЧЕРНАЯ НОЧЬ И УГРЮМЫЙ ЭРЕБ РОДИЛИСЬ ИЗ ХАОСА.
НОЧЬ ЖЕ ЭФИР РОДИЛА И СИЯЮЩИЙ ДЕНЬ, ИЛЬ ГЕМЕРУ:
ИХ ЗАЧАЛА ОНА В ЧРЕВЕ, С ЭРЕБОМ В ЛЮБВИ СОЧЕТАВШИСЬ.
ГЕЯ ЖЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО РОДИЛА СЕБЕ РАВНОЕ ШИРЬЮ
ЗВЕЗДНОЕ НЕБО, УРАНА, ЧТОБ ТОЧНО ПОКРЫЛ ЕЕ ВСЮДУ
И ЧТОБЫ ПРОЧНЫМ ЖИЛИЩЕМ СЛУЖИЛ ДЛЯ БОГОВ

ВСЕБЛАЖЕННЫХ...

ГЕСИОД. ТЕОГОНИЯ



Моя ключница Евринома вечно лепит из глины какие-то таблички, покрывает их неразборчивыми закорючками и сушит на солнце. Когда рабы привозят масло и вино из давлен или зерно с полей, им по целому дню приходится ждать, пока Евринома учтет и запишет каждую амфору, каждый мех. А если привезли еще и оливки, сыры и окорока, можно вообще бежать из дворца. Запряженные волами телеги въезжают в ворота, теснятся, сцепляются оглоблями. Большинство из них — это даже не телеги, а просто волокуши, потому что дорог на Итаке почти нет. Навьюченные ослы спотыкаются под тяжестью мешков. Возчики ругаются, лица их красны от жары и злости, хитоны перепачканы — ведь они целое утро грузили жирные окорока и протекающие мехи, из которых сочатся вино и рассол. Теперь они сваливают все это посреди двора... Лужи, грязь, навоз... Тучи насекомых слетаются на пиршество... Волы мычат — им хочется в тень, на горные пастбища, туда, где кустятся земляничники и дикие фисташки и где душистый чабрец растет по склонам...

Но возчиков ждет во дворце кое-что поинтереснее, чем фисташки, и они не торопят Евриному. Они начинают с того, что напиваются, пока подойдет их очередь. А тем временем во двор все чаще заглядывают рабыни, которые под любым предлогом, а то и вовсе без предлога убегают сюда от своих ткацких станков и ручных мельниц — их ничто не в силах отогнать от ворот. Рабынь можно понять: во дворце больше пятидесяти женщин, а мужчин практически нет. Скоро под телегами, за сараями и за забором — за навозными кучами, за случайной копной соломы, за любым кустом — уже пря-

чутся пары. Мухи и оводы вьются над потными телами. Рабы, которые носят амфоры и мешки вниз по ступеням, надолго задерживаются там, и из подвала доносятся вздохи и стоны. Иногда раздается звон и испуганный крик: это разбилась амфора, которую кто-то уронил на каменный пол...

А Евринома сидит у входа и скрипит стилосом по глине, и груды исписанных табличек растут. Кажется, она ничего не видит вокруг, кроме своих закорючек и кроме сотен окороков, сыров, бурдюков, амфор, которые проносят мимо нее. Потом все амфоры выстроятся в подвалах, сыры лягут на полки, окорока повиснут на крючьях, врытые в пол пифосы наполнятся зерном, оливками и молоком... Рабыни соберут черепки, вытрут лужи. Но в подвалах еще долго будет стоять спертый запах прилипшего к подошвам навоза, пролитого вина, семени и немых мужских тел — запах, который для большинства моих женщин прочно связан с любовью (они будут тайком спускаться сюда, тянуть ноздрями грязный сырой воздух, и что-то начнет сладко ныть у них внизу живота, и соски набухнут, как желуди...).

Но им недолго радоваться — Евринома, может, и не видела ничего вокруг, кроме своих табличек, но зато старая сука Еврикля видела все. А может, и не видела, но каким-то ей одной присущим чутьем она всегда знает, кто из рабынь спускался в подвал и с кем, и кто разбил амфору с хорошим оливковым маслом, и кто отдавался молодому свинопасу Месавлию под его телегой вместо того, чтобы сидеть за пряжей. Иногда мне кажется, что Еврикля тоже ведет какие-то записи, что-то корябает на глине о всех нас, живущих в доме. Вот вернется Одиссей, и она вытащит свои таблички и в точности вспомнит, кто и чем занимался эти годы, кто и как провинился перед отсутствующим мужем и господином. А пока он не вернулся, после отъезда возчиков она сама отведет провинившихся рабынь в закуток между забором и крутым сараем, прикажет им снять туники и по очереди привяжет каждую к столбу, который здесь специально для этого врыт в землю. У Евриклей тяжелая рука, девчонки будут визжать

и извиваться под ударами кожаной плетки. Здесь, в закутке, пахнет мочой, кровью и страхом. Это тоже запах любви — он идет за ней следом, он неизбежен, и каждая из моих женщин знает это... И когда они в сыром подвале, на мокром от вина полу, извиваются под ударами пастушеских бедер, они, наверное, невольно думают об ударах плети, которые им предстоит сегодня вечером...

Когда свекровь умерла и я стала хозяйкой в доме, я вызвала Евриклею и сказала ей, чтобы она не наказывала рабынь без моего разрешения. В конце концов, для того боги и создали женщин, чтобы они отдавались мужчинам. И я не хотела, чтобы она истязала девчонок, которые отдаются пастухам и возчикам, тем более что толку от этих наказаний нет никакого.

Евриклея посмотрела на меня так, как будто это я была рабыней, а не она. Нет, она будет поступать, как велит ей долг перед ее богоравным господином, который не щадя себя сражается под стенами Трои. Вот уже полвека она живет в этом доме и верно служит своим хозяевам и собирается верно служить им и впредь. Ей было всего пятнадцать лет, когда ее привел сюда отец Одиссея, Лаэрт, заплативший за нее двадцать быков, — а это немалая цена, и она гордится ею. Лаэрт с первого дня чтит ее наравне со своей достойной супругой, он доверил ей все хозяйство, он даже не принуждал ее делить с ним ложе. Когда богоравная супруга Лаэрта, Антиклея, родила Одиссея, ребенок был передан ее, Евриклеи, попечению, и она вскормила его своей грудью. А я, Пенелопа, — девчонка, которая появилась в этом доме совсем недавно и за которую никто и десяти быков не дал бы... О последнем Евриклея не сказала прямо, но намекнула — яснее некуда. Одиссей действительно не платил выкупа моему отцу — он получил меня, выиграв состязание в беге, — в этом смысле Евриклея обошлась семейству Лаэрта дороже, чем я... Короче, она сказала, что будет поступать так, как привыкла. А я могу жаловаться на нее Одиссею, когда он вернется из-под стен Трои, — она как верная рабыня подчинится его приговору.